

Потери древесины в лесопромышленной деятельности в Советском Союзе в 1930-х гг. как экономическая и экологическая проблемы

И. В. Зыкин

*Технологический институт (филиал) Национального исследовательского
ядерного университета «МИФИ», Россия*

В Советском Союзе в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в результате реформирования лесного хозяйства и лесной промышленности, начала освоения лесных массивов северных и восточных районов страны, строительства и реконструкции предприятий возросли объемы лесопромышленной деятельности. Распространение сплошнолесосечных рубок, молевого сплава, организационно-экономические проблемы функционирования структурных компонентов лесопромышленного комплекса привели к существенному увеличению потерь древесины. Решение этой проблемы затянулось на многие десятилетия. Впервые предпринято исследование проблемы потерь древесины в лесопромышленной деятельности в период «социалистической индустриализации», ее экономической и экологической составляющих. Сделаны выводы о значительных убытках в результате потерь древесины на этапах заготовки, сплава, переработки; об ухудшении экологической ситуации в лесных районах, бассейнах рек; о попытках решения проблемы партийно-государственными органами Советского Союза путем выделения водоохранной зоны, запрещения молевого сплава на отдельных реках.

Ключевые слова: *лесопромышленный комплекс, модернизация, заготовка древесины, сплав, потери древесины, экология.*

Введение

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Советском Союзе реформирование лесного комплекса выразилось, в частности, в критике и отрицании концепций и положений ведущих теоретиков лесного дела М. М. Орлова, Г. Ф. Морозова, В. Н. Сукачева и их учеников. В итоге новой теоретической основой лесопользования стали приоритет плана в регулировании заготовки лесных ресурсов и концентрированный метод рубки [Полуйко, 1949, с. 8, 9]. Именно с реформ лесного комплекса, начала «социалистической индустриализации» в конце 1920-х — начале 1930-х гг., выразившихся в освоении лесных массивов северных и восточных районов страны, существенном увеличении промышленных заготовок древесины, распространении сплошнолесосечных рубок, молевого сплава леса, строительстве ряда комбинированных производств, обострилась проблема комплексного использования древесины.

Особенно важны ее экономическая и экологическая составляющие, которым не всегда уделялось достаточно внимания до настоящего времени. Так, решение проблемы молевого сплава лесных ресурсов по крупным и мелким рекам, озерам страны растянулось на более чем 50 лет, с конца 1930-х до 1990-х гг. Финальными решениями стали постановление Совета министров РСФСР от 25 сентября 1987 г. № 384 и Водный кодекс Российской Федерации 1995 г. [Ярошенко]. А поручение Президента России В. Путина о запрете с 1 января 2022 г. вывоза из страны необработанных

или грубо обработанных лесных материалов хвойных и ценных лиственных пород, а также разработка программы модернизации предприятий по глубокой переработке древесины со стартом с 1 января 2021 г. свидетельствуют по-прежнему о серьезности проблемы комплексного использования лесных ресурсов [Латухина]. На фоне поэтапного преодоления кризиса лесопромышленного комплекса России, пришедшегося на конец 1980-х — 2000-е гг., исследование проблем потери древесины в лесопромышленной деятельности в 1930-х гг. представляется особенно актуальным.

Осмысление проблем лесопромышленной деятельности, в том числе потерь древесины, началось еще в 1930-х — 1940-х гг. [Куят, 1932; Леса Урала, 1948; Прилуцкий, 1941; Пронин, 1941; Тарасевич, 1933]. В работах акценты делались как на экономических убытках, так и ухудшении экологической ситуации (затрагивались в меньшей степени) в отдельных регионах. Критический анализ политики Советского государства, сформированной модели лесопользования не предпринимался. Особо следует отметить статью А. Г. Пронина, в которой специалист рассмотрел потери древесины при сплаве и убытки от них на протяжении 1930-х гг. В последние десятилетия историки стали активно изучать влияние лесопромышленной деятельности на экологическое состояние отдельных регионов в советский период [Воейков, 2007; Воейков, 2016; Макеева, 2016; Шубин, 2000; Шульгина, 2010]. Конкретных работ о проблеме потерь

древесины, ее экономической и экологической составляющих, не издано.

Потери древесины

при ее заготовке и механической обработке

В 1930-х гг. в среде специалистов лесопромышленного комплекса и руководителей государственных и региональных партийно-государственных органов отмечались большие потери древесины в лесопромышленной деятельности. Причем отмечались как экономический, так и экологический аспекты проблемы. Ф. Куят сообщал о потерях «около 60—70 % <...> бесследно» лесных ресурсов в Сибири, указывая на рост спроса древесины и необходимость комбинирования лесопромышленных производств [Куят, 1932, с. 109]. Н. Деллоранский, критикуя существовавшие подходы в лесопользовании, отмечал в отношении Северного края, что «...в процессе прохождения сырья из леса до потребителя 85 % «испаряется»...» [Шубин, 2000, с. 294]. В июне 1937 г. секретарь Северного областного комитета ВКП(б) Д. А. Конторин на заседании регионального бюро по вопросам третьего пятилетнего плана сообщал: «...Мы из хлыста берем 30 % полезной древесины, а 60 % бросаем в лесу...» По его мнению, это приводило к повышению пожарной опасности в лесах и заболачиванию почв¹. Эти цифры представляются завышенными, однако хорошо демонстрируют низкую эффективность использования лесных ресурсов. В 1930-х гг. пни, сучья и прочие отходы действительно оставлялись на лесосеках и почти не находили применения в процессе лесопользования, особенно если поблизости не было предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины.

Статистические материалы дают возможность подсчитать разницу объемов заготовки и вывозки лесных ресурсов в Советском Союзе и оценить их потенциальные потери на начальном этапе лесопромышленной деятельности. За 1929—1934 гг. было заготовлено 1066 млн м³ леса, вывезено 922 млн². То есть потери древесины (скорее всего, оставленной на лесосеках, утраченной при сплаве) составили около 144 млн м³ (с учетом порубочных остатков, доля которых достигала 10—15 % от общей массы леса, но часто не находила

применения) — почти годовой объем заготовки для конца 1920-х гг. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. положение стало выправляться в связи с требованиями партийно-государственных органов осуществить переход к круглогодичной заготовке и транспорту, создать запасы леса и вывезти с лесосек древесину, оставленную в прошлые годы. Однако в 1940 г. разница в объемах заготовки и вывозки леса в Советском Союзе составила 38 млн м³ [Антуфьев, 1992, с. 198, 201].

За лесозаготовительные сезоны 1927/1928—1935/1936 гг. в Северном крае заготовили, исходя из официальных сведений, почти 168 млн м³ леса, вывезли только 164 млн. То есть около 4 млн м³ древесины остались на лесосеках, хотя это весьма скромные и не соответствовавшие действительности потери. По подсчетам С. И. Шубина, за 1928—1932 гг. в регионе на лесосеках были оставлены 9,85 млн м³ лесных ресурсов, за 1933—1937 гг. — 15,4 млн (только по Архангельской области). В 1937—1938 гг. в ходе расследований «вредительской деятельности» в лесопромышленном комплексе было выявлено, что за 1931—1936 гг. были оставлены на лесосеках 12 млн м³ древесины, что к тому же способствовало заражению лесов болезнями и распространению пожаров [Шубин, 2000, с. 300, 313, 388—389]. Такая ситуация была характерна и для других регионов страны, хотя к концу 1930-х гг. она несколько улучшилась. По тресту «Средлес» (Средневожский край) в начале 1932 г. было не вывезено из леса 2,9 млн м³ древесины, спустя год — около 2 млн, в середине 1930-х гг. — около 1,2 млн [Воейков, 2007, с. 148, 149]. Активная лесозаготовка в регионе привела к захламлению лесосек отходами, ухудшению качественного состава лесов, появлению сухостойного леса, увеличению лесных пустошей, уменьшению защитных функций леса, образованию зыбучих песков на местах вырубок. Эти явления стали характерными признаками ухудшения экологической ситуации в регионе [Воейков, 2007, с. 150, 151; Макеева, 2016, с. 95].

За 1928/1929—1932 гг. на Урале было заготовлено 117,8 млн феметров древесины, а вывезено только 104,5 млн³ [Горчаковский, Коновалов, Урванов, 1948, с. 77; Петров, 1952, с. 62, 76; Тарасевич, 1933, с. 28, 29], то есть потери ресурсов (с учетом порубочных отходов, которые часто не находили применения) можно оценить более чем в 13 млн феметров. Из них 9,3 млн (70 %) пришлось на деловой лес, который был особен-

¹ Холодный дом России: документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера. Архангельск, 1996. С. 278.

² Социалистическое строительство СССР : стат. ежегод. М., 1934. С. 132; Социалистическое строительство СССР : стат. ежегод. М., 1935. С. 229; Социалистическое строительство СССР : стат. ежегод. М., 1936. С. 187.

³ История индустриализации Урала (1926—1932 гг.). Свердловск, 1967. С. 525; История индустриализации Урала: документы и материалы. 1933—1937. Свердловск, 1983. С. 40.

но востребован экономикой региона и страны. За 1937—1940 гг. на Урале заметно возросли объемы заготовки лесных ресурсов, хотя показатели вывозки отставали от нее. За четыре года было заготовлено 169,7 млн фестметров древесины, вывезено 156,3 млн, то есть потери могут оцениваться более чем в 13 млн фестметров [Антуфьев, 1992, с. 65, 67, 68, 70, 209]. Как вспоминал И. Т. Твардовский, сосланный в начале 1930-х гг. с семьей Лялинский район Уральской области и трудившийся на заготовке древесины, на лесосеках «бревна должны были вывозиться к реке для сплава, но зачастую они оставались на годы, а иногда и совсем не вывозились» [Твардовский, 1996, с. 90, 94]. По данным на 1941 г., только в одном тресте «Серовлесдревмет» (Свердловская область) остатки лесных ресурсов составляли 1621 тыс. фестметров (почти годовой объем заготовки), в том числе 504 тыс. — на лесосеках, 491 тыс. — на рюмах [Леса Урала, 1948, с. 73].

Притом, что эти цифры, скорее всего, занижены, утраченный объем древесины, который мог бы использоваться в экономике страны, впечатляет и заставляет задуматься об эффективности существовавшей системы лесопользования. По данным на 1935 г., на первый и четвертый кварталы лесозаготовительного сезона приходилось 89,8 % годового объема вывозки леса в стране, а на весну и лето — около 10 % [Ивантер, 1957, с. 31]. Основные потери древесины как раз и возникали в наиболее экстремальные, с точки зрения природно-климатических условий, периоды. Поэтому хозяйственные ведомства и организации, как правило, списывали свои неудачи в заготовке и вывозке лесных ресурсов именно на неблагоприятную погодную обстановку. Неслучайно в конце 1930-х гг. партийно-государственные органы и хозяйственные ведомства стали требовать перехода к круглогодичной заготовке и вывозке лесных ресурсов, а также создания в районах эксплуатации запасов древесного сырья.

В конце 1930-х гг., вследствие активной эксплуатации лесных массивов Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, тяготевших к сплавному рекам, резко обострилась проблема несоответствия качества насаждений и потребностей лесопромышленных производств в древесине определенных сортов. Лесозаготовительные предприятия в стремлении выполнить план стали заготавливать и сплавлять лесные ресурсы низкого качества, которые еще оставались в сырьевых базах. Так, фабрики Главного управления спичечной промышленности Народного комиссариата лесной промышленности (Наркомлеса) СССР, в условиях не выполнения плановых заданий в конце 1930-х гг., жаловались на нехватку осины

для производственных нужд. На деле, при проверках оказывалось, что дефицит сырья возникал из-за нерационального его использования и хранения на лесозаготовках, фабриках. В нарушение постановления Экономического совещания при СНК СССР от 31 декабря 1939 г. об обязательном использовании ценных пород, в том числе осины, только по прямому назначению лесозаготовительные предприятия зачастую разделяли деловую осину на дрова. В свою очередь только в 1939 г. фабрики Главспичпрома перерасходовали 49 тыс. м³ сырья, потери древесины в технологических процессах в несколько раз превышали норму. Еще в апреле 1934 г. СНК СССР в числе мер по улучшению работы спичечной отрасли предложил предприятиям упорядочить складское хозяйство и организовать лесные биржи для хранения, сортировки, распиловки, распарки и ошкуривки древесины, чего за шесть лет на многих производствах не было сделано [Ратницкий, 1941, с. 8, 9].

Важными моментами, не позволявшими значительно расширить масштабы комплексного использования древесины, являлись срывы поставок лесных ресурсов заготовительными и сплавными предприятиями лесопильно-деревообрабатывающим и целлюлозно-бумажным производствам, неполное освоение имевшихся мощностей. Так, по состоянию на 1 января 1933 г. в Советском Союзе могло производиться 22 млн м³ пиломатериалов, 525 тыс. м³ фанеры, 625 тыс. т бумаги, 260 тыс. т целлюлозы. За годы второй пятилетки предполагалось существенно нарастить производственные мощности лесопромышленного комплекса¹. За 1933—1937 гг. выпуск пиломатериалов возрос с 24,4 млн до 33,8 млн м³, фанеры — с 423,6 тыс. до 678,9 тыс. м³, бумаги — с 471,2 тыс. до 831,6 тыс. т, целлюлозы — с 185,2 тыс. до 425,6 тыс. т, картона — с 73 тыс. до 144,2 тыс. т, причем в третьей пятилетке темпы роста объемов производства пиломатериалов, бумаги, картона существенно снизились². В результате имевшиеся мощности предприятий полностью не использовались, и в третьем пятилетнем плане указывалось на необходимость ограничения объемов лесозаготовок в Сибири размерами потребностей самого региона, советских среднеазиатских республик; строительства в сфере механической обработке древесины мелких заводов в районах заготовки лесных ресурсов³.

¹ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 449.

² Промышленность СССР : стат. сб. М., 1957. С. 248, 261, 267, 268.

³ Третий пятилетний план развития народного хозяйства Союза ССР (1938—1942 гг.) (проект). М., 1939. С. 57.

Возникает резонный вопрос: принимались ли государством меры по уменьшению потерь древесины в лесопромышленной деятельности, снижению влияния заготовки лесных ресурсов на экологическое состояние территорий? Важным решением стало выделение в структуре лесного фонда страны водоохранной зоны и организация территориальных управлений лесной охраны и лесных насаждений. В целом это способствовало очистке лесосек от порубочных остатков, увеличению объемов противопожарных и лесокультурных мероприятий, поскольку тресты неудовлетворительно осуществляли эти функции ввиду приоритета выполнения планов заготовки древесины. По данным Главного управления лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР, к началу реализации третьего пятилетнего плана менее всего были захламлены лесные массивы водоохранной зоны в Украинской и Белорусской союзных республиках, Курской, Куйбышевской, Московской, Оренбургской, Орловской, Рязанской, Сталинградской и Тамбовской областях, Татарской и Мордовской автономных республиках [Воейков, 2016, с. 483, 484, 485].

В годы реализации первых пятилетних планов существовали проекты строительства лесных и целлюлозно-бумажных комбинатов в разных регионах страны. Однако основными районами возведения комбинированных предприятий стали Центральная Россия, Европейский Север и Северо-запад, Урал. В Сибири и на Дальнем Востоке на фоне значительных объемов заготовки древесины лесопильно-деревообрабатывающим предприятиям поставлялась меньшая часть лесных ресурсов, а выпуск целлюлозы, бумаги и картона в промышленных масштабах отсутствовал. Во второй пятилетке предполагалось организовать производство древесных брикетов в Горьковском крае, Челябинской области, Башкирской автономной республике, однако в третьем пятилетнем плане оно уже не упоминалось¹. В сфере механической обработки древесины основной упор был сделан на выпуск фанеры, востребованной авиационной отраслью, в сфере глубокой переработки древесины — на гидролизное производство. То есть более активно развивались те компоненты лесопромышленного комплекса, в продукции которых нуждались оборонные отрасли. Напротив, производство пиломатериалов, мебели, изделий из дерева, бумаги, картона, бумажной упаковки характеризовалось более низкими темпами².

¹ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933—1937 гг.). Т. 1. М., 1934. С. 459—461, 635—637, 698—703.

² Подробнее: Промышленность СССР : стат. сб. М., 1957. С. 248, 261, 267, 268.

В середине 1930-х гг. целлюлозно-бумажные предприятия Наркомлеса СССР теряли около 15—20 % древесной массы (1,5 млн м³) на уколе балансового леса (стоимость потерь определялась в 35 млн руб.)³.

Потери лесных ресурсов при сплаве

Одной из значимых проблем лесопользования стал молевой сплав, который в силу своей «дешевизны» принес немало экономических и экологических убытков. Так, с 1931 г. в Северном крае на р. Северная Двина и ее притоках стал распространяться молевой сплав, вытеснивший транспорт древесины по рекам в плотках пароходами. Преимущества молевого сплава в условиях резко возросших потребностей страны в лесных ресурсах и материалах и необходимости их экспорта были очевидны: не требовалось содержать флот, развивать инфраструктуру в лесных массивах, привлекать дополнительную рабочую силу для транспортных работ [Шубин, 2000, с. 297—298]. Осенью 1930 г. заводы г. Архангельска отчитались в получении всего объема сырья, но следующей весной они оказались в критической ситуации из-за дефицита ресурсов. Скорее всего, отчет был составлен сразу после того, как лесосплавные организации отправили древесину, и предприятия включили ее в документацию как уже приобретенную. Однако лесные ресурсы не были получены в полном объеме по причине их замерзания в реках. Не случайно в конце марта председатель «Союзлеспрома» и член президиума ВСНХ СССР С. А. Бергавинов потребовал срочно «спасать» эту древесину, причем не только в Северном крае, но и в Коми области, Карелии, Сибири, Поволжье и на Дальнем Востоке⁴ [Шубин, 2000, с. 204—205, 206, 207, 208].

Замерзание древесины в реках происходило каждый сплавной сезон на протяжении 1930-х гг., различались только масштабы бедствия. Его главными причинами являлись дефицит трудовых ресурсов, тягловой силы, инструментов и техники, «авральные» работы в последние недели и дни сезона, из-за чего часть лесных ресурсов, порой существенная для деревообрабатывающих и целлюлозно-бумажных предприятий, замерзала в реках. В конечных пунктах сплава, то есть в гаванях заводов, рабочие также порой не успевали оперативно провести работы по вылову и выкатке древесины.

³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.

⁴ Холодный дом России: документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера. Архангельск, 1996. С. 230.

Так, по данным на 10 октября 1931 г., в стране были пущены в сплав 77,3 млн м³ леса, прибыли к конечным пунктам 68,2 млн, из них выгружены на берег 48,7 млн. То есть к началу зимнего периода в воде остались 29,9 млн м³ древесины (34,4 % годового плана), часть которой так и не успели выгрузить¹. В 1932 г. по р. Северная Двина и ее притокам было пущено в сплав 15 млн м³ древесины, но потребители получили только 11,5 млн. Оставшиеся 3,5 млн м³ замерзли в реках, были разбросаны по берегам. Около 700 тыс. м³ леса остались не выгруженными в порту г. Архангельск. Для ее «спасения» были необходимы более 28 тыс. рабочих, 10 тыс. лошадей, содержание которых требовало существенных финансовых и материальных ресурсов. При этом еще в августе 1932 г. СНК СССР в своем постановлении предупреждал о повторении кризисных ситуаций со сплавом, имевших место в 1931 г., когда «огромные массы древесины остались зимовать в воде и были снесены весной в море» [Шубин, 2000, с. 298, 299]. Предупреждения высших партийно-государственных органов не гарантировали того, что сплав будет успешно проведен. Слишком много было кадровых, организационных и технических проблем, которые также требовали внимания и решения. В итоге в октябре 1931 г. на р. Северная Двина в Холмогорском районе образовался залом из древесины объемом более 2 млн бревен и льда, протянувшийся на 20 км. Летом 1932 г. пришлось организовать специальную контору, которая руководила сбором древесины с берега устья р. Северная Двина. А летом 1935 г. целый леспромхоз был реорганизован в контору, задача которой сводилась к вылову и сбору леса, вынесенного в Белое море. По мнению С. И. Шубина, убытки от сплава по Северному краю за 1931—1937 гг. (более 125 млн руб.) были сопоставимы с доходами от экспорта леса (за 1929—1932 гг. — 186 млн руб.) [Шубин, 2000, с. 298, 299, 300].

В других регионах в ходе сплава также возникали экстремальные ситуации. В 1931 г. в р. Кама было заморожено 352 тыс. фестметров древесины, в 1932 г. — 763 тыс. [Тарасевич, 1933, с. 35]. В 1936 г. в республике Коми на первичных речках обсохло около 1 млн м³ леса, на р. Вычегда — около 300 тыс. м³, на р. Печора — 110 тыс. м³. Только спецдревесиной было потеряно свыше 97 тыс. м³. В результате лесопильные заводы г. Сыктывкар и в районе р. Печора оста-

вались без древесины и простаивали². В 1940 г. в реках страны замерзло 1,7 млн м³ древесины [Прилуцкий, 1941, с. 19].

Преобладание сплавного способа транспортировки лесных ресурсов от мест их заготовки к потребителям стало следствием появления ряда экономических и экологических проблем. К примеру, для освобождения русел водных артерий от подводных камней, которые препятствовали сплаву леса, использовался динамит. На реках, текущих в Белое море, отсутствовали системы заграждений для задерживания и последующего вылова древесины. И значительная часть заготовленного леса уплывала в открытое море и прибывалась во время приливов к побережью [Шульгина, 2010, с. 132]. М. Е. Ткаченко применительно к периоду конца 1930-х — начала 1940-х гг. отмечал, что мелиорация уральских рек, активно использовавшихся для сплава древесины, ограничивалась эпизодической расчисткой русел от топляков, корчей, свалившихся деревьев и камней. Причем лесозаготовители производили работы только на своих участках сплава [Леса Урала, 1948, с. 70].

В 1930-х гг. сплавные реки центральной, северо-западной, северной частей Европейской России, Уральского региона стали одним из наиболее дешевых способов транспортировки лесных ресурсов. Но чрезмерная нагрузка на водные артерии большими объемами сплавлявшейся молею древесины в совокупности с дефицитом трудовых ресурсов, занятых на вылове бревен, с незначительными средствами, выделявшимися на очистку рек, привели к засорению этих транспортных путей, обострению экологических проблем. Разумеется, молевой сплав, сопровождавшийся значительными потерями лесных ресурсов, не мог не стать объектом всесторонней критики в период развертывания репрессивной кампании 1937—1938 гг. И многие руководители, ответственные за эту сферу, специалисты и рабочие были расстреляны или отправлены в исправительно-трудовые лагеря на разные сроки заключения, в том числе в рамках сконструированных органами НКВД судебных процессов.

А. Г. Пронин подсчитал, что ежегодные потери и утопа древесины (не считая вылова топляка) в 1930-х гг. колебались по Наркомлесу СССР от 2,5 до 3,5 % от общего объема сплава. Наиболее высокие потери отмечались в 1934 г. (2087 тыс. м³) и 1936 г. (2223 тыс. м³), затем они стабилизировались в районе 1,5 млн м³. За 1933—1940 гг. общий объем потерь и утопа леса по ведомству соста-

¹ История индустриализации СССР. 1929—1932 гг.: документы и материалы. М., 1970. URL: <http://istmat.info/node/7684> (дата обращения: 11.08.2017).

² Советская лесная экономика. Москва — Север. 1917—1941 гг. : сб. док. и материалов. Петрозаводск, 2005. С. 313.

вил 13,8 млн м³, что соответствовало сумме более 200 млн руб. Плюс тратились средства на организацию и проведение работ по подъему части затонувшей древесины. Основными причинами утопа леса являлись сплав молею, переplotка и выгрузка древесины, слабое крепление запаней. В частности, по тресту «Леспром» Наркомлеса СССР в 1932—1940 гг. было пущено в сплав 27,8 млн м³ древесины, утонуло 3,4 млн (12,3 %). Было поднято 1,7 млн м³ леса, следовательно, безвозвратные потери составили почти 50 % от количества утонувшей древесины, или 6,2 % от объема сплава. Ситуация с потерями лесных ресурсов по тресту была наиболее тяжелой в 1932, 1934, 1935, 1940 гг., относительно лучшие показатели подъема топляков были достигнуты в 1936—1938 гг. [Пронин, 1941, с. 30].

На высшем государственном уровне во второй половине 1930-х гг. принимались решения о сокращении молевого сплава на ряде рек, организации сплава древесины в плотках и создании специализированных трестов. К примеру, в 1938 г. постановлением Экономического совещания при СНК СССР был запрещен молевой сплав по р. Вычегда на участке Сыктывкар — Котлас, но оставлен на р. Верхняя Вычегда, Сысола, Локчим, Вымь, Вишера [Заборцева, Чупров, 2013, с. 52]. Хозяйственные организации, тем не менее, не спешили в установленные сроки сворачивать молевой сплав, привлекавший своей дешевизной и не требовавший вложения больших средств в механизацию работ. В то же время на этапе создания рейдов именно невысокий уровень механизации, не позволявший до осенне-зимних морозов сформировать нужное количество плотов, стал причиной продолжившегося замерзания древесины на сплавных путях.

Установление в 1936 г. водоохранной зоны явилось запоздалым решением в ответ на ухудшение водного режима волжского бассейна вследствие возросших объемов заготовки древесины по берегам сплавных рек. Однако введенный в водоохранной зоне режим рубки в ряде случаев серьезно осложнял деятельность лесозаготовительных организаций. Так, в Предуралье, где заготовку древесины осуществляли тресты металлургических ведомств, и где была образована крупная водоохранная зона по берегам р. Кама и ее притоков (по 20 км от каждого берега), являвшихся сплавными путями, началась «борьба» за восстановления права вести промышленные рубки леса. В конце концов, вопрос лесопользования в водоохранной зоне в Предуралье был урегулирован. 18 января 1941 г. Главное управление лесоохраны и лесонасаждений сократило ширину защитных полос

до 3 км от каждого берега [Леса Урала, 1948, с. 50, 51, 52, 63].

Заключение

Таким образом, в конце 1920-х — начале 1940-х гг. в Советском Союзе лесопромышленная деятельность, начиная от заготовки и заканчивая механической обработкой и глубокой переработкой леса, принесла отрасли и стране немало убытков экономического (оставление древесины и древесных отходов на лесосеках, утоп леса, затраты на его вылов, необеспеченность предприятий сырьем) и экологического характера (захламливание массивов, пожары, вырубка лесов вблизи сплавных рек, их загрязнение). Политика партийно-государственных органов сочетала противоречивые меры. С одной стороны, именно они стремились развивать лесопромышленный комплекс как органичный компонент централизованной системы управления экономикой. Из-за этого были проведены масштабные реформы по управлению отраслью, усилены планирование и контроль над выполнением производственных заданий, отвергнуты многие лесохозяйственные учения и принципы, внедрялись сплошные рубки, введены запреты на бесплатное пользование древесиной рядовыми жителями. С другой стороны, кризисные проявления в лесном хозяйстве и лесной промышленности (например, истощение лесных массивов в ряде районов, значительные потери древесины при сплаве) тревожили партийно-государственные органы.

В период «социалистической индустриализации» тренд на нерациональное лесопользование оказался весьма устойчивым. Рост потребностей страны в древесине, необходимость выполнения плановых заданий, притом любыми средствами, приводившими к значительным потерям лесных ресурсов, загрязнению экосистем, оказались сильнее деклараций, содержащихся в нормативных правовых актах, призывов специалистов лесного хозяйства и лесной промышленности о заботе о лесах и рациональном пользовании ими. Наиболее сильное, хотя и недостаточное для перелома ситуации, воздействие на характер лесопользования оказали решения партийно-государственных органов во второй половине 1930-х гг. Была выделена в структуре лесного фонда водоохранная зона, где ограничивались рубки древесины, создано Главное управление лесоохраны и лесонасаждений при СНК СССР, ставшее, по сути, органом контроля над действиями заготовителей в водоохранной зоне. Был запрещен молевой сплав на ряде крупных рек, начато развитие гидролизной отрасли.

Список литературы

1. Антуфьев, А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. А. Антуфьев. — Екатеринбург : УрО РАН, 1992. — 337 с.
2. Воейков, Е. В. Деятельность Саратовского управления лесоохраны и лесонасаждений и состояние лесного фонда Саратовской области в предвоенные годы / Е. В. Воейков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. — 2016. — Т. 16. — Вып. 4. — С. 481—486.
3. Воейков, Е. В. Экологические проблемы Среднего Поволжья в годы первых пятилеток (на примере состояния лесов региона) / Е. В. Воейков // Отечественная история. — 2007. — № 5. — С. 145—153.
4. Горчаковский, П. Лесные богатства Урала / П. Горчаковский, Н. Коновалов, Р. Урванов. — Свердловск : Свердловское областное государственное изд-во, 1948. 109 с.
5. Заборцева, Л. П. Лесной комплекс республики Коми: история и современность : учеб. пособие к спецкурсу «История лесной промышленности республики Коми» для студентов / Л. П. Заборцева, В. И. Чупров. — Сыктывкар : СЛИ, 2013. 139 с.
6. Ивантер, В. Лесная промышленность СССР в цифрах / В. Ивантер // Лесная промышленность. — 1957. — № 10. — С. 31—32.
7. Куят, Ф. Лесная промышленность / Ф. Куят // Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. Т. 3. — Москва, 1932. — С. 100—110.
8. Леса Урала / под ред. М. Е. Ткаченко. — Свердловск : Изд-во Уральского филиала Академии наук СССР, 1948. — 231 с.
9. Макеева, Е. Д. Исторические истоки современных экологических проблем Среднего Поволжья / Е. Д. Макеева // Известия Самарского научного центра РАН. — 2016. — Т. 18, № 6. — С. 93—99.
10. Петров, Б. С. Очерки о развитии лесной промышленности Урала / Б. С. Петров. — Москва ; Ленинград : Гослесбумиздат, 1952. — 146 с.
11. Полуйко, И. З. К вопросам лесопользования в лесах Севера / И. З. Полуйко // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. — 1949. — № 3. — С. 3—22.
12. Прилуцкий, А. В. Скоростной метод — на все рейды и запани / А. В. Прилуцкий // Лесная промышленность. — 1941. — № 4. — С. 19—22.
13. Пронин, А. Г. Ликвидировать утоп и потери древесины / А. Г. Пронин // Лесная промышленность. — 1941. — № 6. — С. 30.
14. Латухина, К. Путин введет запрет на вывоз необработанного леса с 2022 года / К. Латухина. — URL: <https://rg.ru/2020/09/30/putin-vvedet-zapret-na-vyvoz-neobrabotannogo-lesa-s-2022-goda.html>.
15. Ратницкий, Б. И. Рациональная разделка и повышение качества спичечного сырья / Б. И. Ратницкий // Лесная промышленность. — 1941. — № 1. — С. 8—9.
16. Тарасевич, В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие / В. Тарасевич // Хозяйство Урала. — 1933. — № 4. — С. 28—40.
17. Твардовский, И. Т. Родина и чужбина: Книга жизни / И. Т. Твардовский. — Смоленск : Посох : Русич, 1996. — 351 с.
18. Шубин, С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920—1930-е годы : монография / С. И. Шубин. — Архангельск : Поморский государственный университет, 2000. — 463 с.
19. Шульгина, М. В. Соловецкие лагеря особого назначения и лесная промышленность Европейского Севера России (1923—1933 годы) / М. В. Шульгина // Известия Самарского научного центра РАН. — 2010. — Т. 12 (34), № 2. — С. 129—134.
20. Ярошенко, А. Тридцать лет назад было принято главное решение о поэтапном прекращении молевого сплава древесины в РСФСР / А. Ярошенко. — URL: <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?t=21424>.

Сведения об авторе

Зыкин Иван Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин, Технологический институт (филиал) Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», Свердловская область, Лесной, Россия. zivverh@mail.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 2. P. 37—45.

Wood losses in forestry industry as economic and environmental problems of the soviet union in the 1930s

I.V. Zykin

Institute of Technology (Branch) of National Research Nuclear University MEPhI, Russia.
zivverh@mail.ru

In the late 1920s and early 1930s the Soviet Union increased the volume of timber industry as a result of the forestry industry reform, the first development of forests in the northern and eastern regions of the country, the construction and reconstruction of enterprises. The proliferation of solid-cut cuttings, molar alloy, organizational and economic problems of the forestry led to a significant decrease in wood. The problem solution was delayed for many decades. The work makes a first attempt to study the problem of wood losses in forestry industry during the period of “socialist industrialization”, its economic and environmental components. It concludes about the significant losses resulting from wastes of wood at the stages of logging, alloy, processing as well as the deterioration of the ecological situation in forest areas and river basins and the attempts of the Soviet Union to solve the problem by allocating a water protection zone and prohibiting molar alloy on particular rivers.

Keywords: *forestry industry, modernization, timber logging, alloy, wood losses, ecology.*

References

1. Antuf'ev A.A. Ural'skaya promyshlennost' nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Ural industry on the eve and during the Great Patriotic War]. Ekaterinburg, UrO RAN, 1992. 337 p. (In Russ.).
2. Voejkov, E. V. Deyatel'nost' Saratovskogo upravleniya lessohrany i lesonasazhdenij i sostoyanie lesnogo fonda Saratovskoj oblasti v predvoennye gody [Activities of the Saratov Department of Forest Protection and Plantations and the State of the Forest Fund of the Saratov Region in the Pre-War Years]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: History. International relationships], 2016, no. 4, pp. 481—486. (In Russ.).
3. Voejkov, E. V. Ekologicheskie problemy Srednego Povolzh'ya v gody pervyh pyatiletok (na primere sostoyaniya lesov regiona) [Environmental problems of the Middle Volga region in the years of the first five-year plans (using the example of the state of forests in the region)]. *Otechestvennaya istoriya* [National history], 2007, no. 5, pp. 145—153. (In Russ.).
4. Gorchakovskij P., Konovalov N., Urvanov R. *Lesnye bogatstva Urala* [Forest wealth of the Urals]. 109 p. Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'vo, 1948. (In Russ.).
5. Zaborceva L.P., Chuprov V.I. *Lesnoj kompleks respubliki Komi: istoriya i sovremennost'* [Forest complex of the Republic of Komi: history and modernity]. Syktyvkar, SLI, 2013. 139 p. (In Russ.).
6. Ivante V. Lesnaya promyshlennost' SSSR v cifrah [Forest industry of the USSR in numbers]. *Lesnaya promyshlennost'* [Timber industry], 1957, no. 10, pp. 31—32. (In Russ.).
7. Kuyat F. Lesnaya promyshlennost' [Forest industry]. *Sibirskaya sovetskaya enciklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Moscow, 1932. Pp. 100—110. (In Russ.).
8. Tkachenko M.E. (ed.). *Lesy Urala* [Forests of the Urals]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo filiala Akademii nauk SSSR, 1948. 231 p. (In Russ.).
9. Makeeva E.D. Istoricheskie istoki sovremennykh ekologicheskikh problem Srednego Povolzh'ya [Historical origins of modern environmental problems of the Middle Volga region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2016, no. 6, pp. 93—99. (In Russ.).
10. Petrov B.S. *Ocherki o razvitii lesnoj promyshlennosti Urala* [Essays on the development of the forest industry of the Urals]. Moskva, Leningrad, Goslesbumizdat, 1952. 146 p. (In Russ.).
11. Polujko I.Z. K voprosam lesopol'zovaniya v lesah Severa [Forest management in the North]. *Izvestiya Karelo-finskogo filiala Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the Karelian-Finnish branch of the USSR Academy of Sciences], 1949, no. 3, pp. 3—22. (In Russ.).
12. Priluckij A.V. Skorostnoj metod — na vse rejdy i zapani [Speed method — for all raids and fuses]. *Lesnaya promyshlennost'* [Timber industry], 1941, no. 4, pp. 19—22. (In Russ.).

13. Pronin A.G. Likvidirovat' utop i poteri drevesiny [Eliminate Utop and Loss of Wood]. *Lesnaya promyshlennost'* [Timber industry], 1941, no. 6, pp. 30. (In Russ.).
14. Latuhina K. *Putin vvedet zapret na vyvoz neobrabotannogo lesa s 2022 goda* [Putin will introduce a ban on the export of untreated forest from 2022]. Available at: <https://rg.ru/2020/09/30/putin-vvedet-zapret-na-vyvoz-neobrabotannogo-lesa-s-2022-goda.html>. (In Russ.).
15. Ratnickij B.I. Racional'naya razdelka i povyshenie kachestva spichechnogo syr'ya [Rational cutting and quality improvement of match raw materials], *Lesnaya promyshlennost'*, 1941, no. 1, pp. 8—9. (In Russ.).
16. Tarasevich V. Itogi lesozagotovok za pyatiletie i ih dal'nejshee razvitie [Results of logging over the five-year period and their further development]. *Hozyajstvo Urala* [Economy of the Urals], 1933, no. 4, pp. 28—40. (In Russ.).
17. Tvardovskij I.T. *Rodina i chuzhbina: Kniga zhizni* [Homeland and Alien: Book of Life]. Smolensk, Posoh, Rusich, 1996. 351 p. (In Russ.).
18. Shubin S I. *Severnyj kraj v istorii Rossii. Problemy regional'noj i nacional'noj politiki v 1920—1930-e gody* [Northern Territory in the history of Russia. Problems of regional and national politics in the 1920—1930s]. Arhangel'sk, Pomorskij gosudarstvennyj universitet, 2000. 463 p. (In Russ.).
19. Shul'gina M.V. Soloveckie lagerya osobogo naznacheniya i lesnaya promyshlennost' Evropejskogo Severa Rossii (1923—1933 gody) [Solovetsky special-purpose camps and forestry industry of the European North of Russia (1923—1933)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, no. 2, pp. 129—134. (In Russ.).
20. Yaroshenko A. *Tridcat' let nazad bylo prinyato glavnoe reshenie o poetapnom prekrashchenii molevogo splava drevesiny v RSFSR* [Thirty years ago, the main decision was made to phase out the molar alloy of wood in the RSFSR]. Available at: <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?t=21424>. (In Russ.).